

Litera

Правильная ссылка на статью:

Зыкова Г.В., Лю Ю. Цвет в произведениях М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова о севере: «За волшебным колобком» и «Северный дневник» // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74488 EDN: AASPA
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74488

Цвет в произведениях М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова о севере: «За волшебным колобком» и «Северный дневник»

Зыкова Галина Владимировна

ORCID: 0000-0002-1453-2791

доктор филологических наук

профессор; филологический факультет; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119421, Россия, г. Москва, ул. Новаторов, 36, корп.1, кв. 97

✉ gzykova1966@gmail.com

Лю Юнь

соискатель; Филологический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1

✉ liyun0209@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74488

EDN:

AASPA

Дата направления статьи в редакцию:

11-05-2025

Дата публикации:

18-05-2025

Аннотация: Предметом изучения в статье является специфика цветообозначения в произведениях Михаила Пришвина и Юрия Казакова, посвященных Северу. Хотя со слов

самого Казакова известно, что творчество Пришвина существенно повлияло и на его решение путешествовать по Северу и на манеру видеть Север и писать о нем, проза этих писателей до сих пор не сопоставлялась сколько-нибудь развернуто и, соответственно, сам характер влияния не оценен. Материал сопоставления ограничен самым известным, хотя и не единственным в его наследии, произведением Казакова о Севере («Северный дневник») и той книгой Пришвина, о которой Казаков прямо упоминал («За волшебным колобком»). Оба произведения с позиций современной гуманитарной науки являются важнейшими для "северного текста". В настоящей работе, не затрагивая во всей полноте вопроса о влиянии Пришвина на Казакова, мы обратились к одному из аспектов этого вопроса — сопоставительному анализу цветообозначения. Методологический выбор определен значением цвета в поэтике пейзажа Пришвина и Казакова (есть посвященные этому научные работы, но сопоставительного характера они не имеют). Сравнение обнаружило как общие черты, так и различия. Среди общих черт — обилие указаний на цвет и преобладание в палитре некоторых цветов. Различия демонстрируются на примере указаний на зеленый цвет (один из самых важных: в книге Пришвина 69 случаев обозначения зеленого цвета, в «Северном дневнике» — 45). Обнаруживается, что у Пришвина зеленый цвет имеет символический смысл, обозначая энергию жизни и родной для писателя среднерусский лес, о котором ему напоминают даже воды северных морей; «зеленое» окрашивает детские воспоминания, входит в состав ключевых образов («зеленое радостное сердце»). У Казакова указания на зеленый цвет входят в состав точного описания объектов (стремление к точности описания у Казакова проявляется, в частности, в обилии сложных прилагательных, в том числе окказионализмов). Значения и коннотации «зеленого» у Казакова очень разнообразны и несводимы к общему символическому ядру (от «яркой зелени» травы, которой автор явно радуется, до позеленевшей, то есть испорченной, муки).

Ключевые слова:

Михаил Пришвин, Юрий Казаков, Русский Север, Северный дневник, За волшебным колобком, цветообозначение, травелог, северный текст, литературный пейзаж, мифопоэтика модерна

1. Постановка вопроса

Как известно, интерес Юрия Казакова к русскому Северу, проявившийся прежде всего в «Северном дневнике», возник под влиянием читательских впечатлений от книги М. М. Пришвина «За волшебным колобком»: «...Я в ту пору очень увлекался Пришвиным, его, в частности, одной из лучших вещей "За волшебным колобком". И вот, думаю, поеду-ка я по следам Михаила Михайловича и погляжу, что осталось, что изменилось» [\[1, с. 213\]](#).

«Северный дневник» создавался на протяжении нескольких лет и фиксирует опыт разных путешествий Казакова на Север; Пришвин (также побывавший на Севере неоднократно) в книге «За волшебным колобком» описывает одно путешествие, так что сравнивать маршруты писателей непросто. Понятно, однако, что для обоих Архангельск был важным рубежом, что оба побывали на Соловках, обоим пришлось ходить по Белому морю, оба видели коренных жителей Севера — карел (Казаков говорит еще и об опыте общения с ненцами; Пришвин, в отличие от Казакова, путешествовал и по зарубежному — норвежскому — Северу).

Для современных исследователей произведения Пришвина и Казакова входят в состав

т.н. «северного текста» [2]. Соотнесенность северных очерков Пришвина и Казакова в сознании позднейших читателей проявляется и, например, в том, что название книги Казакова («Северный дневник») может переноситься на прозу Пришвина (так, Э. Я. Фесенко пишет о «северных дневниках» Пришвина и Казакова [3, с. 4]). Однако развернутого сопоставления северной прозы Пришвина и Казакова мы не нашли.

Конечно, Казаков описывает Север не совсем так, как Пришвин: во-первых, человеческий мир за прошедшие со временем путешествия Пришвина полвека не мог не измениться (изменился социальный строй), во-вторых, Пришвин как писатель эпохи модерна тяготеет к мифopoэтическому осмыслению мира (о поэтике ранней северной прозы Пришвина см., напр.: [4], а Казаков как автор советского времени должен говорить о социальном мире, изображая его в оптимистическом ключе). И, конечно, стилистика больших художников имеет свои индивидуальные особенности.

Мы рассмотрим один частный, но выразительный, как нам представляется, аспект: цветопись в «Северном дневнике» и в «За волшебным колобком». Уточним, что из произведений Пришвина книга «За волшебным колобком» выбрана нами именно потому, что ее любил Казаков; сравнение текстов представляется возможным и потому, что их размер сопоставим.

2. История вопроса и методология исследования

Хотя работ о цветообозначениях в произведениях Пришвина не так много, исследователи все же обращались к этому аспекту его поэтики: И. С. Куликова сопоставляла стилистическую манеру Пришвина с определенными стилями в живописи, при этом сравнивая в этом аспекте Пришвина с Паустовским и противопоставляя их [5]; Ю. А. Нельзина подробно анализировала обозначение синего и голубого в качественных прилагательных и глаголах [6]; обсуждалась связь цвета с мифом, в том числе индивидуальным, и религиозными представлениями ([7],[8]); А. М. Тимофеева рассматривала лексику со значением зеленого цвета, сравнивая Пришвина с Дж. Дарреллом [9].

Цветообозначению в произведениях Казакова были посвящены диссертации Г. М. Гусейновой [10] и Хо Канина [11], в методологическом отношении лингвистические. Хо Канин, описывая историю вопроса, приходит к выводу, что колористика Казакова еще не исследовалась должным образом, хотя отдельные значимые наблюдения уже высказывались в работах, посвященных поэтике Казакова в целом или отдельным аспектам его творчества (см., например: [12]); о рассказе «Осени в дубовых лесах» — [13]). Хо Канин подробно исследует и систематизирует способы образования единиц поля цвета в рассказах Казакова.

Являясь для нас в значительной степени методологической опорой, работа Хо Канина, однако, растворяет материал интересующего нас «Северного дневника» среди других произведений Казакова; видимо, такой объясняется тем, что диссертация Хо Канина – лингвистическая, и, в отличие от литературоведа, этот исследователь не ставит перед собой задач описания и оценки отдельного произведения как особого художественного целого.

3. Результаты исследования

Использование обозначений цвета у Пришвина и Казакова имеет некоторые общие

черты.

У обоих авторов указание на цвет встречается часто. Так, в «Охотничьих былях» А. М. Тимофеева обнаружила 140 случаев употребления слов, так или иначе указывающих на цвет [9]; «За волшебным колобком», по нашим подсчетам, содержит 406 таких случаев (из них в описаниях природы 299).

В «Северном дневнике» указаний на цвет, по нашим подсчетам, 505.

Как у Пришвина, так и у Казакова слово, обозначающее цвет, как правило, сопровождается в тексте и другими словами, обозначающими еще какие-то цвета (и/или степень освещенности). Вот некоторые примеры из Пришвина: «Рассыпалась деревенька черными комочками на песке, провожает нас розовыми глазами... Из белой пены показывается черный мокрый конец чего-то большого. На нем светится полуночный красный отблеск зари... то заглядываю вперед вдаль на темную воду, то на золотой искристый след лодки» [14, с. 15, 41, 57]. Разные цветные пятна появляются по отдельности, но существуют в одном пространстве; благодаря соединению связанных с ними объектов разные цвета имеют внутреннюю связь (лодка на воде, золотой цвет покрывает темные воды). Такая живописная задача решается и в «Северном дневнике»: «...в черных стенах изб, высоко вознесенные, желто сияли окна... Семга — великолепная, крупная и мощная рыба с темной спиной, серебристыми боками и белым животом» [15, с. 9, 77].

Развитие этой тенденции на языковом уровне проявляется в употреблении сложных прилагательных, обозначающих цвет.

У Казакова такие сложные прилагательные были проанализированы Хо Канином, который классифицировал их по семантическому принципу и привел исчерпывающий их список для 40 текстов писателя. Частотность сложных прилагательных у Казакова исследователь объясняет, в частности, вниманием писателя к полутонам; среди примеров, приводимых Хо Канином, есть, однако, также и случаи столкновения разных цветов в пределах одного сложного прилагательного. Заметим, что размытость тонов, как и резкие сочетания цветов у Казакова могут быть сопоставлены с живописной манерой импрессионистов; эта близость эстетики Казакова и эстетики художников-импрессионистов уже отмечалась (см., напр.: [12]). Хо Канин отмечает и частотность сложного прилагательного «черно-белый», передающего «монохромность, графичность картины мира» ([11, с. 57]).

Сложные прилагательные, передающие цвет, есть и у Пришвина, но их гораздо меньше: если в «Северном дневнике» 50 случаев употребления сложных прилагательных, то в книге Пришвина их только 7: «Или мелко еще, или вода очень прозрачная, но я вижу в глубине что-то темно-зеленое... Струйки воды стекают с темно-синеватого лба, золотые капли блестят на усах... Я стреляю в это желто-белое пятно <птицу>, как в сказочную колдунью... Внизу лес, а тут тундра, покрытая желто-зеленым ягелем, как залитая лунным светом поляна... Большая морская чайка с темными крыльями и с белоснежной шеей спотыкается в воздухе и падает в воду... Вдруг впереди себя замечаю двух стройных женщин в ярких сине-красно-желтых костюмах скандинавских лопарей... прозрачно-зеленой воды» [14, с. 55, 57, 107, 144, 166, 252, 271].

Сложные прилагательные у Пришвина, как заметила еще И. С. Куликова, совмещают преимущественно чистые цвета, варьируются только освещенность и интенсивность (что-то темно-зеленое, с темно-синеватого лба). Сложные прилагательные у Пришвина могут

просто указывать и на разноцветные объекты: желто-белое пятно, желто-зеленым ягелем, в ярких сине-красно-желтых костюмах.

Стремление к объединению цветов в одном пространстве особенно ярко проявляется у Пришвина в особых лексических комплексах, где прилагательные соединены в некое целое посредством дефисов: «Но пароход бежит быстро, **лиловые чашечки становятся темными на фоне пылающего красного неба, на фоне этого зеленого следа по голубой-малиновой-синей воде»** [14, с. 272].

Казаков, как и Пришвин (и, пожалуй, чаще, чем Пришвин) соединяет в составе сложных прилагательных разные цвета («Накат страшный, мутно-бело-желтый... Вода все **синела**, густела, становилась такой плотно-сине-зелено^й, что казалась непрозрачной...» [15, с. 26, 152]. Чистым цветам Казаков предпочитает оттенки («И по-прежнему чист, но уже смугл^о-ал горизонт — неширокая полоса под **синевато-коричневым** в тучах небом... И уже в разрывах между теми облаками на неимоверной высоте сияет нежное голубовато-розовое небо... Внизу светло-буро-черная шевелящаяся масса тел, а выше неоглядное переплетение рогов, будто карликовый лес» [15, с. 27, 64, 110].

Цветовая сложность и разнообразие мира часто передаются Казаковым при помощи окказионализмов-тропов, содержащих указания на некоторые вещества, материалы и пр. Сложные прилагательные часто основаны на сравнении: «Футболисты все вместе разделись, стали купаться в бассейне, тела их бронзово просвечивали сквозь чайно-коричневую воду.... Почти все обнажены по пояс, кофейно-загорелы...» (коричневая как чай, загар похож на цвет кофе) [15, с. 17]. А вот случаи, когда сравнение в сложном прилагательном совмещено с указанием на еще какой-то цвет: «Первый час ночи, вода за бортом **мыльно-голубая**... [голубой и похожий на мыло] Но всех их, всю массу рыбы заливает рассеянный серо-молочный свет белой ночи... [серый и при этом похожий на молоко] Вечерний жидк^{ий} туман поднимался над **красновато-маслянистыми** болотами» [15, с. 155, 159, 273].

В состав сложных прилагательных Казаков любит включать элемент, указывающий на эмоциональное восприятие цвета: «Потом в глаза нам ударяет сверкающий, свежеголубой от неба простор Двины, разом показывается все то множество кораблей... На мотодоре есть рубка — будочка ядовито-зеленого цвета, есть компас и штурвал... Свет ламп искрится на льду, на соли, на тускло-желтых ее кучах... Я все забирал влево, зашел по песку далеко от порта, миновал ряд длинных уныло-сизых амбаров и вышел на берег... Прошло пять, десять минут и вдруг прямо перед нами показалась из воды ослепительно-белая спина с острой выгнутой хребтиной...» [15, с. 44, 67, 163, 170, 245].

Среди общих черт Пришвина и Казакова — то, что в их описаниях Севера очень важную роль играет зеленый цвет. «За волшебным колобком» содержит 69 указаний на зеленый цвет, в «Северном дневнике» их 45.

У Пришвина зеленый — это прежде всего цвет растительности (в том числе водорослей). Из 61 случая указаний на зеленое 25 обозначают растительность, причем чаще всего без уточнений, самое частотное слово здесь обобщающее: «зелень» (и есть еще прилагательное «зеленый»: зеленые ели, зеленые листва). Вот полный перечень: зеленые березки весной, зеленые ели, покрытая желто-зеленым ягелем, зеленая трава, зеленый подводный лист, в светящейся зелени мелькнула страна, зелень лесов, зеленые листы, напряженный зеленый цвет у растений, густая зелень, зеленые листы, зеленый лес, растениями с широкими зелеными листьями, зеленые поля, зеленый мох,

вокруг зеленью, внизу нет малейших следов зелени, подножья черных гор без зелени, хоть какая-нибудь зелень, нет и следа зелени, внизу между высокими зелеными деревьями, вокруг этих последних зеленых листьев, в виду этой зелени, разные зеленые площадки, кусты, деревья, что-то темно-зеленое.

Зелень у Пришвина — не только зелень Севера, но и зелень леса средней полосы, его родины, которую он сравнивает с Севером. В пределах одной книги, «За волшебным колобком», слово «зеленый» встречается в очень разных по смыслу и настроению сравнениях Севера и родины, сравнениях, которые передают меняющееся состояние путешественника. То повествователь замечает, что на Севере, где вегетационный период короче, у растений, которые спешат жить, более «напряженный зеленый цвет»: «Я замечаю, что все живет здесь иначе, у растений такой напряженный зеленый цвет: ведь они совсем не отдыхают, молоточки света стучат в зеленые листья и день и ночь» [\[14, с. 104\]](#). То его подавляет суровость северной природы: «Гораздо таинственнее и мрачнее этот лес у подножия гор. Те мертвые, но лес-то живой и все-таки будто мертвый. Мы причаливаем к берегу, входим в лес: гробовая тишина! В нем нет того зеленого радостного сердца, о котором тоскует бродяга, нет птиц, нет травы, нет солнечных пятен, зеленых просветов» [\[14, с. 141\]](#). Обратим внимание на образ «зеленого радостного сердца», указывающий, видимо, наиболее непосредственным образом на лес средней полосы и символизирующий энергию жизни.

Зелень листьев у Пришвина появляется в воспоминаниях, связываясь с началом жизни, временем надежд: «В зимнюю ночь, в то время, когда люди еще не успели заметить уже начавшийся переход к весне, бывают видения: засверкает солнце, перекинется мост из светящихся зеленых листьев на ту сторону к лесу».

Зеленая опушка, трава с широкими листьями, деревья гигантские, упираются в небо, невиданные цветы, звери и птицы умные, добрые» [\[14, с. 101\]](#).

Зеленый цвет для Пришвина символизирует философскую идею энергии жизни. В северной природе он сильно почувствовал взаимосвязь смерти и жизни: «[С]еверная природа потому и волнует, потому так и тоскует, что в ней глубокая старость, почти смерть вплотную стоит к зеленой юности, перешептывается с ней» [\[14, с. 106\]](#).

И, как в процитированной выше фразе, зеленый цвет может быть иногда связан не только с описанием впечатлений путешествия, но и с «видениями». В предисловии к своей книге Пришвин так говорит о детских мечтах путешествовать: «Я желал бы напомнить о той стране без имени, без территории, куда мы в детстве бежим...

Я пробовал в детстве туда убежать. Было несколько мгновений такой свободы, такого незабываемого счастья... В светящейся зелени мелькнула страна без имени и скрылась» [\[14, с. VII\]](#). Очень значимы слова Пришвина: «Не об этой внешней, видимой стороне путешествия мне хотелось бы рассказать своим читателям» [Там же]. Они показывают, что точное описание внешнего мира менее важно для писателя, чем создание символического образа. Можно видеть, что в воображении ребенка свобода и счастье ассоциировались с этой зеленой страной.

«Страна без имени», то есть другой, незнакомый мир, в воображении Пришвина, однако, получает знакомые черты русского леса («светящаяся зелень»). Тот же прием мышления — когда неизвестное, новое получает черты знакомого, напоминает о знакомом, понимается через знакомое — проявляется у Пришвина и тогда, когда он описывает Белое море, переходящее в Северный Ледовитый океан.

Связанный с энергией жизни, зеленый цвет у Пришвина — это и цвет глаз живого существа, опасного, агрессивного, — цвет глаз акулы; описывая ее, Пришвин трижды упоминает о зеленом цвете: «Я приглядываюсь, и в огромной серой массе различаю пасть и крошечный зеленый светящийся глаз... Чуть только поводит плавником и глядит своим маленьким зеленым глазком... она страшна там, на дне океана, темно-серая, как раз такого цвета, чтобы незаметно под красться к добыче и показаться сразу огромною серою тенью с зеленым светящимся глазом» [14, с. 193-196]. Как и у Пришвина, у Казакова тоже появляется зеленоглазое живое существо, одновременно и хищник, и жертва человека, — «огненная, зеленоглазая лисица, насмерть защелкнутая кривыми скобами» [15, с. 106]. Зеленое связано с представлениями о расцветающей жизни, о юности в самом языке, и Казаков особенным образом показывает читателю диалектное слово «зеленец» (детеныш тюленя): оно повторяется трижды в реплике персонажа: «Первый тюлень, который родился, дитё, на ладошке поместится, — это тебе зеленец. Зеленец это... зеленец...» [15, с. 88]. (Взросление тюленя потом описывается через изменение цвета: «белёк... потом белая шерсть сходит, показывается черная, а так еще вроде серая она».)

Второй в книге Пришвина по частоте упоминаний тип указания на зеленое — описание воды (всего 14 случаев): «Легкий ветерок НО холодит, небольшое волнение, верхушки волн светятся, зеленея... Волны ластятся к бокам парохода... подбегают к борту и рассыпаются белым и показывают, что внутри их что-то зеленое... будто чашечки жаждут напиться этой легкой прозрачно-зеленой воды фиорда... птицы... падают на зеленый океанский след парохода, сыплются будто сказочный серебряный фонтан... Это, вероятно, — объясняет мне капитан, — ветвь Гольфштрема, вода в нем отличается от зеленой океанской воды голубым цветом... пароход бежит быстро, лиловые чашечки становятся темными на фоне пылающего красного неба, на фоне этого зеленого следа по голубой-малиновой-синей воде... отблеск света на зеленой килевой воде» [14, с. 171, 184, 271, 266, 188, 272].

Иногда зеленой оказывается сама вода, иногда ее окрашивает в зеленый цвет то, что в ней находится, например, водоросли; иногда, напротив, то, что находится в воде, кажется зеленым. Вещи человеческого мира, оказавшись в северной воде, приобретают ее цвет: «Чурочка медленно тонет и зеленеет... Волны... выкатываются из тумана черные, подбегают к борту и рассыпаются белым и показывают, что внутри их что-то зеленое... сеть, черная над водой, зеленеет в воде и светится в глубине... Достаю мелкую монету и пускаю в воду. Она превращается в зелёный светящийся листик... Потом дальше, в глубине, она светится изумрудным светом... её зелёный глазок смотрит оттуда, из затопленных садов и лесов... сеть, черная над водой, зеленеет в воде и светится в глубине... потому что в глубине показывается мотня, огромная, зеленая... Мы едем вперед, один за другим тонут за нами крючки с наживкой и светятся в глубине зелёным светом...» [14, с. 181, 184, 111, 192, 193, 223].

И здесь дело не только в оттенках, которые на самом деле может принимать вода, но прежде всего в том, что в новом для него, даже чужом и опасном Пришвин ищет сходства со знакомым, то есть с лесом средней полосы России. Появляется метафора подводного леса: «Приглядываюсь, и открываю там целый густой, зеленый подводный лес. Я люблю лес, как бродяга: для меня он родной, он дороже мне всего, дороже моря и неба. Так хочется войти туда, в этот зеленый таинственный мир. Но это не настоящий, это сказочный лес, туда нельзя войти, мы слишком грубы для того. А хорошо бы спуститься в этот морской лес, притаиться и слушать, как перешептываются рыбы у

прутика водоросли» [\[14, с. 55\]](#).

Сравнения и метафоры у Пришвина соседствуют с точным указанием на конкретные детали и свойства материального мира; все-таки «За волшебным колобком» отражает не только детские мечты о побеге, но и реальный опыт путешествия. Приведем фрагмент, в этом отношении очень показательный: «— „Вода?” — „Океанская.” — „Как океанская?!” — „Так, океанская, зеленая...” Мы выходим наверх. По-прежнему такие же черные волны выкатываются из серого тумана. Капитан берет белую деревянную чурочку, привязывает к ней гвоздь и пускает в воду. Чурочка медленно тонет и зеленеет, и чем дальше, тем ярче и, наконец, где-то совсем глубоко светится чудным сказочно-заморским светом. — „Вода океанская, зеленая,” — говорит капитан и недоумевает» [\[14, с. 180-181\]](#). Здесь, с одной стороны, зеленый цвет сопровождается характерными для Пришвина эпитетами: «чудный», «сказочно-заморский»; с другой стороны, сама описанная процедура — попытка определить местонахождение корабля (то, насколько он приблизился к Северному Ледовитому океану) по цвету воды.

У Казакова морская вода тоже иногда описывается как приобретающая зеленый оттенок, цвет воды и в «Северном дневнике» может указывать на местоположение корабля: «Вода все синела, густела, становилась такой плотно-сине-зеленою, что казалась непрозрачной, а на самом деле была чиста, как стекло, и на сотни метров проникал свет солнца в глубину. Мы вошли в полосу Гольфстрима» [\[15, с. 152\]](#). Всего указаний на зеленый цвет воды в «Северном дневнике» восемь; помимо процитированного есть следующее: «И мы видим теперь только черную плоскую полосу берега под зеленовато-алым небом и облака... За бортом от прикосновения к катеру всыхивали в глубине зелено-синие пятна величиной с блюдце и медленно отходили в сторону... Ячей уже просвечивают сквозь зеленую воду... [Н]е было качки, сияла низкая багровая луна, у борта всыхивали, мерцали зеленые искры... Как будто то несешься в лодке между скал по гремящим порогам с водяными туманами и радугами, то остановился в озере и загляделся в его зелено-желтую глубину... Даже под опущенные ресницы, отраженное бирюзовой водой и льдами, умытыми ею, пробивается и слепит глаза солнце... празелень вод... <белухи> выходили... из воды дохнуть воздухом и опять погружались в зеленую пучину...» [\[15, с. 32, 57, 142, 170, 179, 218, 241, 245\]](#).

Сравним процитированное: если у Пришвина цвет воды чисто зеленый, и вместо указания на оттенки даны оценочные эпитеты, то Казаков пытается как можно точнее описать конкретный цвет воды, образуя сложное прилагательное («плотно-сине-зеленая»), и к тому же различает видимое наблюдателю («казалась непрозрачной») и действительное («а на самом деле была чиста как стекло»).

Конечно, зеленый и для Казакова — цвет растений. Однако указаний на зелень растительности в «Северном дневнике» по сравнению с книгой Пришвина немного (всего 12 случаев): сказывается, видимо, различие маршрутов. В 6 случаях это цвет травы и деревьев, причем только 4 относятся к изображению Севера — как и Пришвин, и, может быть, вслед за ним Казаков включает в рассказ о северном путешествии фрагменты, посвященные воспоминаниям о средней полосе. Во фрагментах, где Казаков вспоминает о средней полосе, есть и зеленя, и отдымявшая первая зелень [\[15, с. 208, 200\]](#).

В «Северном дневнике» есть указания на зеленый цвет характерного для тундры мха, есть обобщенное: «зеленая полоса тундрового берега... на далекую зелено-серую еще тундру... все это зеленое и серое... десяток разбросанных серых пятнышек на всем зеленом» [\[15, с. 218, 317, 32, 175\]](#). Но вот зелень леса у Казакова — в отличие от Пришвина

— не упоминается (хотя о лесе в «Северном дневнике» говорится, но окрашен он иначе, а чаще всего не окрашен вовсе).

Несколько раз в «Северном дневнике» описывается зеленый цвет неба, который может оказываться предвестником грозных явлений, хотя в культуре символизирует надежду: «И вот в полночь однажды заполыхало молчаливое северное сияние, в полночь грянуло с неба обилие фантастического света, все засветилось, озарилось красным, лимонным и зеленым огнем. — К шторму! — в один голос сказали рыбаки. И в ту же ночь пал шторм... В лужах отражается свет от зелено-голубой полосы над горизонтом под мутными тучами...» [\[15, с. 26\]](#).

И, конечно, в «Северном дневнике», где описан человеческий труд на Севере (первая часть этой книги, как известно, близка к жанру производственного очерка) зеленый цвет — не только цвет природный, но и цвет артефактов: «Пишу при свете... зеленоватых потолочных иллюминаторов... Вращающаяся установка с чередующимися зеленым и красным огнем... мертвый зеленый свет <о маяке, дважды>... дора с зеленой будкой... будочка ядовито-зеленого цвета... Горели красные, белые и зеленые огни на бакенах, на бортах и кормах судов... позеленевшие патроны... сизо-зеленый дым <от печи>... люди за зелеными столами гильзы... с празеленью зеленый луч <радиолокатора, упомянутого дважды> кругами заходил по экрану» [\[15, с. 9, 27, 29, 32, 115, 121, 160, 257, 222\]](#). В книге Пришвина вещи, сделанные человеком и при этом окрашенные в зеленый цвет, не упоминаются ни разу (если не считать сетей и прочего, выглядящего зеленым в глубокой воде), — что, видимо, не случайно и объясняется тем, что зеленый цвет у Пришвина всегда имеет сложный символический смысл.

3. Заключение

Итак, цвета у Казакова указывают на точные характеристики объекта. Например, зеленый цвет, который у Пришвина так часто имеет символический смысл, у Казакова может быть связан с самыми разными качествами (например, в «Северном дневнике» упоминается испорченная мука, она «зелена вся», то есть заплесневела), что не исключает присутствия коннотаций, эмоциональной окраски слова (подробнее об этом см.: [\[16\]](#)).

Библиография

1. Казаков Ю. П. Две ночи: Проза. Заметки. Наброски. М.: Современник, 1986. 336 с.
2. Иванова И. Н. Северный текст в современной отечественной прозе: версия Дмитрия Иванова [Электронный ресурс] // Журнал "Современные проблемы науки и образования". 2015. № 1-2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20220> (дата обращения: 24.02.2024). EDN: TXUXSB
3. Фесенко Э. Я. Притяжение Севера. Архангельск: САФУ, 2015. 426 с.
4. Лили Д., Михайлова М. В. Цикл очерков М. Пришвина "В краю непуганых птиц": поиски жанра // Вестник Московского ун-та. Сер. 9 "Филология". 2021. № 2. С. 122-131. EDN: VZCYRE
5. Куликова И. С. Две цветовые картины мира // Русская речь. 1971. № 3. С. 10-17.
6. Нельзина Ю. А. Качественные прилагательные и глаголы со значением цвета как идиостилевое средство реализации художественного концепта в творчестве М. М. Пришвина // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. 2006. № 2. С. 105-112.
7. Нельзина Ю. А. Функционирование цветового концепта в мифологическом дискурсе (на материале произведений М. Пришвина) // Вестник Удмуртского ун-та. 2005. № 5 (2).

С. 35-40.

8. Лишова Н. И. Религиозные поиски народа и интеллигенции в очерке М. М. Пришвина "За волшебным колобком" // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 32 (213). Филология. Искусствоведение. Вып. 48. С. 71-73.
9. Тимофеева А. М. Сравнительный анализ лексики со значением зеленого цвета в идиолектах Дж. Даррелла и М. М. Пришвина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 1. С. 148-151. EDN: VPNOQZ
10. Гусейнова Г. М. Концепты "свет" и "цвет" в художественной картине мира Ю. П. Казакова. Дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 160 с. EDN: QEGYEF
11. Канин Хо. Поле цвета в словарном представлении и его воплощение в художественном тексте (на материале рассказов Ю. Казакова). Дисс... канд. филол. наук. Спб., РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. 136 с.
12. Егнинова Н. Е. Рассказы Ю. П. Казакова в контексте традиций русской орнаментальной прозы. Дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, Бурятский гос. ун-т, 2006. 174 с. EDN: NOKSIL
13. Панфилов А. М. Художественный мир Юрия Казакова и духовные традиции русской литературы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. 203 с.
14. Пришвин М. М. За волшебным колобком: Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии. СПб., 1908.
15. Казаков Ю. П. Северный дневник. М.: Советская Россия, 1973. 371 с.
16. Ивченков В. И. Лингвостилистика тропов Юрия Казакова. Минск: Пачатковая шк., 2002. 114 с. EDN: ISRVCU

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена использованию обозначений цвета в произведениях М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова о севере «За волшебным колобком» и «Северный дневник». Отмечается, что «интерес Юрия Казакова к русскому Северу, проявившийся прежде всего в «Северном дневнике», возник под влиянием читательских впечатлений от книги М. М. Пришвина «За волшебным колобком», что обосновывает выбор данных произведений в качестве эмпирической базы. Актуальность работы определяется необходимостью изучения лексических средств воплощения художественного мира М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова, в частности такого значимого фрагмента художественной картины мира авторов, как цветообозначение.

Теоретической основой работы явились труды российских исследователей, посвященные северному тексту в современной отечественной прозе; цветовой картине мира; идиостильевым средствам реализации художественного концепта в творчестве М. М. Пришвина; художественному миру Юрия Казакова и духовным традициям русской литературы и др. Библиография насчитывает 16 источников, в том числе литературные, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, текстуально-герменевтический анализ произведения, литературоведческий и художественный анализ.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) подробно рассмотреть общие черты и отличия в использовании обозначений цвета у Пришвина и Казакова и прийти к определенным выводам («у обоих авторов указание на цвет встречается часто», «среди общих черт Пришвина и Казакова — то, что в их описаниях Севера очень важную роль играет зеленый цвет»; «в «Северном дневнике», где описан человеческий труд на Севере зеленый цвет — не только цвет природный, но и цвет артефактов», «в книге Пришвина вещи, сделанные человеком и при этом окрашенные в зеленый цвет, не упоминаются ни разу... зеленый цвет у Пришвина всегда имеет сложный символический смысл» и др.). Все выводы соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как лингвоцветовая картина мира, полевая лексико-семантическая организация художественного текста, в изучение идиостилей М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по языкознанию и теории языка, по теории литературы; стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных творчеству и идиостилю М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».